

Лубош Луковины¹

Люди и ангелы.

К интерпретации “Похвалы”

Константина-Кирилла Григорию Богослову

1.1. Е.М. Верещагин посвятил одну статью (Верещагин 2001) стихотворению Константина-Кирилла Григорию Богослову (далее “Похвала”). Наблюдения вел в поисках смысла стихотворения, а именно, воспринимал-ли Константин-Кирилл Григория как ангела, или как человека. В этой части излагаем соображения Верещагина, результат его исследования.

Приводим текст стихотворения (не полный), реконструированный Н.С. Трубецким с поправками Р.О. Якобсона (по Верещагину (79)²):

- (1) ѡ грнгоре, тѣломъ ѹловѣуе, а доушею анѣле!
- (2) ты бо, тѣломъ ѹловѣкъ сын, анѣлъ ѣви сѧ,
- (3) оуста бо твоѣ, ѣко едннѣ отъ серафимъ,
- (4) бога прославлѣхъ и всѣхъ миръ просвѣщахъ
- (5) правъѧ вѣрѣхъ казаннемъ

Якобсон и Б.Н. Флоря перевели на русский указанную часть текста. Первым дается перевод Якобсона, вторым Флоры³:

- (1) О Григорий, телом человек, а душою ангел!
О Григорий, телом — человек, а душою — ангел!
- (2) Так как ты, будучи телом человек, оказался ангел,
Ты, будучи телом человек, явил себя ангелом.
- (3) Потому что уста твои, словно одного из серафимов,
Уста твои, как один из серафимов,
- (4) Бога прославляют и весь мир просвещают

¹ Mgr. Ľuboš Lukoviny, Slavistický ústav J. Stanislava, Panská 26, 813 64 Bratislava, Slovenská republika.

² В дальнейшем указания на эту статью даются в тексте латинской цифрой в скобках, которая обозначает соответствующую страницу.

³ Флоря 2004: 139.

- Бога прославляют и всю вселенную просвещают
 (5) Проповедью правой веры.
Правой веры наставлением.

Вопрос, на который четко хочет ответить Верещагин сформулирован в следующем: “Ни Якобсон, ни Флоря своими переводами второй строки не дают определенного ответа на вопрос, кем же все-таки был Григорий Богослов в глазах Константина-Кирилла – человеком, ангелом или, может быть, двуприродным существом” (79).

На вопрос возможно ответить только оценкой слова **ѣко**, которое находится в третьей строке. Как раз **ѣко** выясняет соотношения человека и ангела. В древнеславянской письменности союз имел двойственную семантику – “... союз **ѣко/так**о выражает идею *подобия* или *тождества*” (80). Исходя из методического замечания о том, что “Основная мысль первой строки повторяется во второй, а затем и в третьей” (83) “... называя св. Григория ангелом, Константин-Кирилл ... поставил знак равенства между святым человеком и ангелом.” (84). А также “...данные ... контексты ... позволяют заключить, что в сознании образованного человека IX в., сына Константинопольской церкви, непреходимой грани между святым человеком и ангелом не существовало” (85).

Методическими контекстами, которыми можно подойти к решению поставленного вопроса, кроме литургического богословствования, являются библейская ангелология как она сложилась в византийской патристике и арианская идея о том, что лица Пресв. Троицы “... не равны, не тождественны друг другу, а лишь сходны, подобны друг другу, и для названия этих отношений подобия использовали знаменитый термин *ὁμοιουσία* (*подобносушие*)” (88-89). Православное исповедание веры приняло термин *ὁμοούσιος* (*единосуший*), “... все лица Троицы считали едиными по существу” (89). Е. М. Верещагин утверждает, что Константин-Кирилл не мог посчитать Григория Богослова подобным ангелу, так как “... он пошел бы по арианскому пути подобосуция” (92), что противоречит догматике. Значит он мог пойти только по православному пути отождествления, и поэтому Верещагин заключает свои исследования: “... союз *словно* в переводе “Похвалы” на русский язык – неуместен” (93).

1.2. Методические контексты, избранные Верещагиным при толковании “Похвалы” представляются и нам подходящими. Однако, определение семантики текста второй половины IX в. посредством гимнографий XI-XII вв. (84-85) не идеально. Кроме того, таинство лиц Пресв. Троицы не имеет никаких отношений к рассматриваемой теме. Сложнейший богословский вопрос, догматический с IV в., не возможно сравнивать с совсем иным вопросом. Ангелы и люди не лица Пресв. Троицы, и поэтому аналогия не имеет никаких оснований.

Сосредоточимся на некоторых высказываниях о ангелах и людях, сложившихся в византийской философии. Существенным кроме того представляется

рассмотреть византийские житийные тексты IX в., какими словами в них определены отношения ангелов и людей.

2.1. Предварительно следует рассмотреть Житие Константина-Кирилла (в дальнейшем ЖК⁴), находятся ли в нем основания для того, чтобы отождествить природы ангелов и людей. Полагаем, что автор ЖК не двусмысленно воспринимает связь людей и ангелов, т. е. то, что изложено в одной части текста нужно принять за основу и для остального текста. В ЖК VI, в сарацинской беседе, мы находим определение и связь ангелов и людей:

Творѣць въ сынъ въсачѣскыи, межѣу аггелы и скоты ѹлка ѿ сѣтворилъ: словѣ и сѣмыслѣ ѡлоуѣнвѣ ѡ скота, а гнѣвѣ ѿ похотѣю ѡ аггелъ. Н енке се ѹстн кто прѣближаѣ, тѣ паѹе тѣи се прѣцеѣѣ, вышнѣхъ ли нѣн нѣнѣхъ.

Ведь Он, создатель всего, сотворил человека посредине между зверями и ангелами, отделив его речью⁵ и разумом от зверей, а гневом и желаниями от ангелов. И кто к какому началу приближается, становится сопричастным или высшему или низшему⁶.

Используемый термин **прѣцеѣѣ**, Флоря переводит словом *сопричастность*. Не уделяя внимания рассмотрению значения слова **прѣцеѣѣ**, в приведенной части текста жития важно то, что человек отделен (**ѡлоуѣнвѣ**) от ангелов и зверей. Но можно-ли человека, телесное и духовное существо отождествить ангелам?

2.2. О ангелоподобии упоминается в Новом завете – Марк 12:25 – Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах – ἀλλ' εἰσὶν ὡς ἄγγελοι ἐν τοῖς οὐρανοῖς⁷. Подобие ангелам человек приобретает только после физической смерти.

Христианская догматика имела четкие представления о проблеме души и тела. Сильное неоплатоническое влияние в III веке на Оригена видим и в том, что составной частью духовной системы было разделение души и тела, т. е. телесное считалось низшим, до такой степени, что телесное вообще презиралось. Такая идея сводила человека только к его душе, цель всей жизни заключалась в непрестанном отвязывании своей души от тела, исхождении из него. По воззрениям Плотина душа может свободно действовать без тела (при жизни человека).

Христианские апологеты – основоположником христианской психологии и “атропологии” можно считать Григория Нисского – в противовес неоплатонических мыслей о душе развивали иной подход к природе человека. Григорий

⁴ ЖК дается по Ангелов, Ходов 1973: 89-109.

⁵ Такой перевод понятия **словѣ** не точен. См. Lukoviny 2008.

⁶ Флоря 2004: 145.

⁷ *The Greek New Testament*, Stuttgart 1983³.

поставил теорию души на иной основе. Он полагает, что человек не может обладать духовными (интеллектуальными) воззрениями без материального субстрата. Человек – единство мысли и тела⁸. Материальный мир, сотворенный Богом, в христианских глазах, в сравнении с неоплатоническими воззрениями, не наделен отвратительными и самыми низкими атрибутами. Определение человека, существа находящегося между (посередине) божественным и звериным не отвечает замыслам Творца. Страсти (πάθος) не могли быть в первом человеке. Это противоречит божественной доброте. Из-за известного происшествия с плодом древа познания человек был изгнан из рая. Он “озверел” и упустил от своей ангельской натуры. Только при воскресении будут люди подобны ангелам.⁹ Видим, что в ранней патристике четко осознавали человека – телесное существо, обладающее мыслью. Душа присутствует во всех живых существах, и в растениях. Но только человеку дана мысль. Из приведенного заключаем – “антропологические” взгляды Григория Нисского существенно отличают ангелов и людей.

2.3. Нужно принять в основу рассуждений о ангелах и труды богословов, предшествующих Константина-Кирилла, почитаемых в византийской образованной среде. Следует, значит, рассмотреть тексты Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина.

Дионисий Ареопагит (труды которого Константин-Кирилл отлично знал) в своих текстах обратил внимание и на рассматриваемое отношение. Хотя тексты Дионисия известны только с первой половины VI века, византийские богословы сочли автора учеником апостола Павла. Повод таким соображениям дал сам автор текста, потому что употребляет архаизмы и упоминает лица, жившие в I веке. Тексты были приняты в основу христианских соображений.

Дионисий Ареопагит – величайший иерархотворца. Упорядочил небесный мир а также мир церковный. В книге “О небесной иерархии” Дионисий разделяет весь небесный мир на девять чинов, которые группируются по три. Самые нижние в иерархии – ангелы. Херувимы и серафимы стоят не сразу над ангелами а даже несколько чинов выше. На самой высокой ступени иерархии находятся серафимы, херувимы и престолы, ниже власти, господства и силы. Архангелы, ангелы и начала (или начальства) на низшем уровне небесного бытия.

В тексте “О божественных именах” находим разные высказывания про отношение ангелов и людей, например:

Δωρουμένη δὲ καὶ ἀνδράσι τὴν, ὡς συμμίκτοις, ἐνδεχομένην ἀγγελοειδὴ ζῶν¹⁰

⁸ Constan 2001: 97-98. Приведена и литература по теме.

⁹ Karfiková 1999: 122.

¹⁰ *Patrologiae cursus completus. Series graeca* (в дальнейшем PG), III, Paris 1857, 856 C.

... людям подарена, как существам смешанным, по возможности ангелоподобная жизнь.

Максим Исповедник (VII в.), величайший комментатор Дионисия пишет к указанному тексту:

ἄτε ἐξ ἀθανάτου ψυχῆς καὶ σώματος ὄντας θνητοὺς, τὴν δὲ ζωὴν οὐσι-
ώδη τῆς ψυχῆς ἐλάττονα φησι τῶν ἀγγελικῶν οὐσιῶν, παρ' ὅσον αὐτὴν
καὶ ἀγγελοειδῆ ζωὴν, οὐ μὴν ἀγγελικὴν ὀνομάζει, οὐχ ὡς αὐτοαγ-
γελικὴν, ἀλλὰ παρεμφερῆ¹¹

... состоим из бессмертной души и смертного тела, поэтому мы смешаны и наша жизнь, суб-
станции которой душа, меньше чем жизнь ангельская, значит, наша жизнь ангельской назы-
вается, но она не такая как ангельская, а только как-будто (нечто-вроде, как-бы)

Дионисий:

Ἦ οὐχὶ τότε μᾶλλον πλησιάζουσι ταῖς ἀγγελικαῖς ἀρεταῖς, ὅταν, ὡς δυνα-
τὸν, ἐφέσει τῶν θείων ἀναχωρῶσι τῆς τῶν ὑλικῶν προσπαθείας¹²

... и разве (люди) не приближаются ангельским добродетелям, так-как своими силами
устремляются к Богу и отдаляются от материальна.

И снова Дионисий:

οὐδὲ τῆς κατὰ ἀγγέλους αὐτῶν ὑμνωδίας· καὶ τῶν ἐσχάτων γὰρ
ἀποδέουσιν οἱ κράτιστοι τῶν παρ' ἡμῖν θεολόγων¹³

... что самые низкие (ангелы) выше наших наилучших богословов.

Комментарий Максима Исповедника:

καὶ ὅτι καὶ ὁ κατώτατος τῶν ἀγγέλων μείζων πάντων τῶν ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ
θεολόγων περὶ Θεοῦ θεωρεῖ, οὐκοῦν καὶ τῶν ἀποστόλων¹⁴

... и то, что низшим ангелам больше чем церковным богословам, вместе с апостолами,
(дано) Бога созерцать.

В VIII в. Иоанн Дамаскин, рассматривая ангелов и людей в “ΕΚΘΗΣΙΣ ΑΚΡΙΒΗΣ ΤΗΣ ΟΡΘΟΔΟΞΟΥ ΠΙΣΤΕΩΣ”, много о них пишет, но не отождествляет их¹⁵. Человека определяет также, как и Григорий Нисский. Люди су-

¹¹ PG IV, 337 B.

¹² PG III, 896 C.

¹³ PG III, 981 C.

¹⁴ PG IV, 416 A.

¹⁵ Ангелам посвящена самостоятельная статья – *Περὶ ἀγγέλων* (PG XCIV, 865-873).

щества телесные и в то же время нетелесные, а ангелы нетелесные. Дионисий у него пользуется большим авторитетом и в ангелологии¹⁶.

Разница между людьми и ангелами велика, сравнивая небесную и земную иерархии. Нет возможности отождествлять их природы.

2.4. Житие Никифора Патриарха¹⁷ “βίος τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Νικηφόρου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως καὶ Νέας Ῥώμης” исполнено в половине IX века, несколько лет после кончины Никифора в 828 году, Игнатием диаконом. В Житии упоминается в связи с ангелами прямо Дионисий τὰ Χερουβὶμ (ἄγγελοι δὲ καὶ ταῦτα· καὶ γὰρ ἀπλῶς τὰς οὐρανίους τε καὶ νοεράς δυνάμεις ἀγγέλους καλοῦσιν, ὡς Διονυσίῳ δοκεῖ)¹⁸. Авторитет Дионисия неоспорим для византийского образованного человека, он великий и древний богослов.

Житие Михаила Синкелла¹⁹ “βίος καὶ πολιτεία καὶ ἀγῶνες τοῦ ὁσίου καὶ ὁμολογητοῦ Μιχαὴλ πρεσβυτέρου καὶ συγγέλλου γεγονότος πόλεως Ἱεροσολύμων” написано в половине IX в. Автор жития в части, которая посвящена кончине Феофана Начертанного, брата Феодора, спутника и соратника Михаила, так-же пишет про отношение между ангелами и Феофаном при его жизни:

“εἰς χεῖρας σου, κύριε, παρατίθημι τὸ πνεῦμά μου” λέξας, παρέδωκε τὴν παναγίαν αὐτοῦ ψυχὴν εἰς χεῖρας τῶν ἁγίων ἀγγέλων, ὧν καὶ τὸν βίον ζεζήλωκεν²⁰.

“Господи, предаю дух свой в руки твои”, сказав, он предал пресвятую свою душу в руки святых ангелов, жизни которых он приравнивался.

И в конце жития еще раз упоминаются ангелы в связи с жизнью Михаила:

“ὧ ἀγγέλων συνόμιλε καὶ ἀρχαγγέλων συγχορευτὰ καὶ συνώνυμε”²¹

ангелам сообщник, с архангелами поющий в хоре и их соименник

В этих житийных текстах ангелы людям приравниваются.

Хотим обратить внимание на словосочетание, которое обозначает высокую духовную уровень человеческой жизни. Ангельское житие (ἀγγελικὸς βίος) не имеет семантическую функцию отождествления, это широко использованный в

¹⁶ См. например: PG XCIV, 873 A.

¹⁷ de Boor 1880: 139-217.

¹⁸ Там же: 185.

¹⁹ Cunningham 1991.

²⁰ Там же: 112.

²¹ Там же: 128.

литературе метафорический прием. Максим Исповедник тоже использовал это словосочетание для сравнения:

‘Ο ἀγαπῶν τὸν Θεὸν, ἀγγελικὸν βίον ἐπὶ γῆς ζῇ²²

Любящие Бога живут на земле ангельской жизнью

3. Принимая во внимание греческие тексты, которые известны в образованной среде Константинополя в IX веке, учитывая и то, что “антропология” Григория Нисского упоминается в тексте ЖК, вполне уверенно выражаем мнение, что Константин-Кирилл, образованный человек, знающий труды Дионисия, не мог отождествить Григория Богослова с херувимами. Смысл стихотворения поэтому нужно видеть в символических отношениях ангелов и людей, и видеть в рассматриваемой части “Похвалы” метафору.

Подражание жизни ангелов – обычный прием в житийной литературе, которую писали люди из образованной среды. Сравнение жития святого с житием ангелов является одной из самых распространенных метафор, так как серафимы и херувимы, воспевающие в небесах славу божью, являются ближайшими нетелесными существами к тайне божьей.

Надеемся, что в приведенных примерах ясно прослеживается мысль византийских богословов о том, что человек при жизни не может преодолеть грань между ним самим и ангелом.

4. Григорий Богослов был великим христианским поэтом и его стихотворения стали основой риторических студий и подражаний в Византии. В XI веке наиболее яркий представитель риторской эстетики – Михаил Пселл – рассматривал поэтические произведения Григория Богослова. Он не мог отождествить Григория с ангелами, но недостижимая красота поэзии Григория заставила его думать об источниках такой красоты. В дальнейшем просто цитирую В. В. Бычкова²³, который вот такими словами излагает мнение Пселла о инспирации Григория:

“... излил все вместе из собственного источника”, имеющего, возможно (Пселл до конца не уверен в этом), божественное происхождение. Поражаясь удивительной красоте произведений Григория, Пселл готов допустить, что сей “соименник богословия” “откуда-то оттуда (с неба. – В.Б.) извлек несказанным путем красоту и силу речи и смешал их со своими сочинениями по законам высшей музыки”.

Пселл не отождествляет Богослова с ангелами, но поэзию Богослова можно назвать “ангельской”, так как она поразительна своей красотой, как ангелы.

²² PG XC, 968 D.

²³ Бычков 1977: 90.

Литература

- Ангелов, Кодов 1973: Климент Охридски, *Събрани съчинения*, III, под ред. Б.С. Ангелова, Х. Кодова, София 1973.
- Бычков 1977: В.В. Бычков, *Византийская эстетика*, Москва 1977.
- Верецагин 2001: Е.М. Верецагин, Кириллова "Похвала" Григорию Богослову, в: Е.М. Верецагин, *Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания*, Москва 2001, с. 78-93.
- Флоря 2004: Б.Н. Флоря, *Сказания о начале славянской письменности*. СПб. 2004.
- Constas 2001: N. Constan, "To sleep, perchance to dream": The middle state of souls in Patristic and Byzantine literature, "Dumbarton Oaks Papers", LV, 2001, с. 91-124.
- Cunningham 1991: M.B. Cunningham, *The Life of Michael the Synkellos*, Belfast 1991.
- de Boor 1880: C. de Boor, *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica*, Leipzig 1880 (repr. New York 1975).
- Karčíková 1999: L. Karčíková, *Řehoř z Nysy*, Praha 1999.
- Lukoviny 2008: E. Lukoviny, *Obraz a podoba v Živote Konštantína IV. – možný vplyv Fotia? (k sémantike Života Konštantína)*, "Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe. Język-Literatura-Kultura" V, 2008, с. 165-178.

Abstract

Luboš Lukoviny

Humans and Angels. *An Interpretation of Constantine-Cyril's Poem for Gregory of Nazianz*

In this article the author discusses Vereščagin's paper, which focuses on the meaning of the word **ѣрхо** (Gregory **ѣрхо** cherub) in Constantine-Cyril's poem for Gregory of Nazianz. Vereščagin thinks that the meaning of the phrase is the substantial identity of angels and humans. The author researching thought about angels and humans in the works of the Byzantine philosophers (Pseudo-Dionysios Areopagites, Maximos the Confessor, John Damascene) disagrees with Vereščagin's point of view. The word **ѣрхо** in the poem is only a poetic comparison between Gregory and angels.